

— Так, девчонки и мальчишки, поторапливаемся! Разделитесь по четверо — нас заберут на легковушках. Не забудьте сдать постельное белье и забрать все свои вещи из поезда. Я не буду возвращаться за вашими туфлями, косметичками и прочей ерундой. Емченко, Васильева, слазайте уже! Так, Михайлова, проверишь по местам, чтобы мы никого не забыли.

Тренер продолжал будить наш вагон, пока мне с трудом удалось разлепить глаза.

Катюха перелезла ко мне на полку и принялась щекотать, усевшись сверху.

— Я тебя скину! — бурчала я, пытаясь не зажать на весь вагон.

— Я отправлюсь вниз только вот с этим, — и она, протолкнувшись рукой под одеяло, шорты и мои трусики, сжала между пальцами мой клитор, вместе с пирсинговой сережкой. Я чуть не вскрикнула, но Катюха успела зажать мой рот ладонью. — Шшш, потом покричишь.

Пальцами той же ладони, которая только что была у меня в трусиках, Катя провела по моей ключице и дальше вниз, пока не обхватила мою грудь под футболкой.

Каждый раз, под ласками Катюшки, я искренне удивлялась своей реакции, но, когда она заканчивала, нуждалась в большем. Так зависела от нее уже семь месяцев — лучших семь месяцев моих отношений. Единственное, к чему она меня принуждала, в отличие от прошлого партнера, это бесконечное число оргазмов, пока я не могла только тихо постанывать в ответ. Моя сладкая пытка.

— Ты опять о нем вспомнила, да? — Катя подняла свою руку к моему лицу и коснулась переносицы пальцами, показывая мне, что я опять нахмурилась. — Дай нам только поселиться в номер.

— Подружайки, прибываем через десять минут, а вы еще не слезли, — послышался голос нашего соседа по купе и, по совместительству, одного из лучших танцевальных партнеров нашей школы, Игоря.

— Игорь, ну что здесь? — Даша пролезла к нам в купе и заглянула в свой список. Та самая, Михайлова, на хрупкие плечи которой выпало вывести всех участников соревнований из поезда. — Вы едете с нами в машине. И я не хочу прибыть в гостиницу последней. Поэтому, давайте по быстренькому, причесались, собрались и на выход.

Катя улыбнулась мне и полезла на свое место, чтобы собрать вещи и постель. Игорь присел на свое нижнее место, как раз под моим, а Даша пошла командовать дальше.

Полусонные, но довольные, что наконец доехали, мы стояли на перроне, ожидая последние две машины. Катя отзывалась маме, мы с Игорем докуривали по второй сигарете.

— Так, это вроде наш, — Михайлова поперлась к подъехавшей Хонде, оставив свои сумки на Игорька, с которым, по ее последним словам, ей было так хорошо, как ни с кем ранее. Игорь бросил окурок в урну и поспешил за ней. Видимо чувства были взаимны.

— Давай, двигайся, красотуля, — подтолкнула меня Катя, чмокнув в щеку.

Я поправила солнечные очки на переносице и стала мечтать о том, чтобы мы ехали достаточно долго, и я смогла еще вздремнуть.

— Мы так рады, что вы смогли приехать! — нам на встречу, буквально выскочила пышненькая блондиночка и принялась по очереди расцеловывать сначала Дашу, Игоря, Катю, которая тоже вложила немало энтузиазма в их объятия и, наконец, добралась до меня.

— А к вам у меня особая любовь. Победа на прошлом чемпионате, обалденное выступление на

фестивале в Мадриде,... — она продолжала перечислять мои маленькие заслуги в новой для меня кизомбе, а я одними губами просила у, сияющей идиотской улыбкой Кати, помохи. Понятно, что безрезультатно.

Из-за того, что эта, как выяснилось Карина, решила так же поучаствовать во встрече Харьковской команды, одному человеку не хватало места в Тойоте.

— О, так и задумывалось. Вы спокойненько сядете здесь, — продолжала щебетать Карина, — а мы с Ксюшой, вы же не против, поедем с моим парнем. Вот, он как раз и подъехал меня забрать. — Махнув на подъехавшую Тойоту, Карина повернулась ко всем остальным.

«Тишина мне только снилась». Мне казалось, что Катя не может улыбаться еще шире. Как же я ошибалась.

— Давайте, усаживайтесь. Ксюша, пойдемте.

Она вроде и называла меня на «вы», но ощущение было такое, словно она очень жестко лизала мне зад. Будто от того, насколько хорошо она это делала, она станет лучше танцевать. «Откуда вся эта грубость?» — я потянулась за новой сигаретой, намереваясь выкурить ее перед поездкой. Закинула рюкзак на заднее сиденье и, прислонившись спиной к задней двери RAV4, сделала первую затяжку. Карина подошла к водительской двери.

— Зайчик, заедем по пути в ДК, хочу показать Ксюше, где будет проходить фестиваль.

— Человек устал с дороги. Лучше езжай со Славиком, он не знает дороги, и заодно поможешь ребятам расселиться. Мы подъедем сразу за вами, — я замерла, так и не выпустив дым. Слишком знакомый голос. Черт! Черт! Черт!

Дальше, будто в замедленной съемке я смотрю, как Карина идет и садится на переднее сиденье машины со всеми остальными ребятами, машина отъезжает, Катя машет мне рукой. Из открывшейся водительской двери Тойоты выходит Денис и смотрит на меня.

— Выдыхай.

Я послушно открываю губы и выпускаю дым ему в лицо. Дым, который успел добраться до моего мозга. Голова кружится, губы пересохли. Облизываю их под знакомым пристальным взглядом. В голове вспыхивают картинки его между моих ног, его жесткой хватки в эти моменты, его дикого взгляда.

— Садись в машину, — он больше ничего не говорит. Человек, истерзавший мою душу и тело, тот, кто был моим наркотиком долгие полтора года, был здесь, и, как ни в чем не бывало, так же просто развернулся и сел за руль.

Ладно, Ксюша. Тебе тоже будет так же просто игнорировать его. Сесть сзади или рядом? — думаю я, оценивая, что выбор у меня не большой. Теперь идея залезть на заднее сиденье не кажется мне такой уж хорошей. Сзади придется отводить взгляд, чтобы не смотреть на него в зеркало заднего вида. Рядом, буду в пределах досягаемости. Хотя вряд ли он чего-то захочет. «Зайчик», бляха!

Обхожу машину, не спеша докуривая сигарету. Курить я начала тоже после него. Как и много чего остального. Девушки, татуировки, пирсинг, ежедневная танцевальная лихорадка. И всего этого мне искренне хотелось. Хотя сейчас понимаю, что за все это с ним была бы наказана. Бунтарство? Попытка показать, что я могу делать, что хочу?

Сажусь возле водителя, насиливо заставляя себя не прижиматься к двери, заняв место посередине. Пристегиваюсь и жду, пока он заведет машину. Мы стоим на месте. Понемногу меня начинает обволакивать его аромат. Легкий, возбуждающий и такой знакомый. Понятно, что после почти пятнадцати часов дороги я не могу пахнуть так же хорошо.

На мне платье-футболка, и мне так хочется одернуть его пониже. Но вместо этого я кладу ногу на ногу, подсобляя, чтобы оно задралось еще немножко выше. Знаю, что прежде это разозлило бы его до чертиков. Когда начинает покалывать кожа, понимаю, что он смотрит. Немного ерзаю на сиденье, добиваясь того, чтобы платье поднялось еще на чуть-чуть. Поднимаю подбородок повыше. Нечего больше чувствовать себя виноватой. Я чертова рок звезда.

Машина заводится, и Денис рвет ее с места. Я попала в точку. Только почему-то мне не очень радостно. Перед выездом с территории ЖД вокзала он тормозит так резко, что ремень безопасности неприятно врезается мне в кожу.

— Позволь мне поправить, — говорит Денис и поворачивается ко мне, отстегнув свой ремень, чтобы беззастенчиво коснуться моего платья на груди, теплыми пальцами поправляя сбившуюся в складки ткань. Его руки проверяют ремень по всему его пути, в открытую замедляясь в ложбинке между грудей. Я опять не дышу. — Вдох-выдох, помнишь? — он приближается к моему лицу на равных со страхом.

Щекочущее чувство его губ на моих. Не поцелуй — касание. Проверка?

— Эти губки пахнут сигаретами, вместо минета, — жесткость в его голосе напоминает мне о моих попытках забыть его. Я высовываю язык и прохожусь им от самого его подбородка, по губам к носу. Стараюсь сделать это так, чтобы он почувствовал сережку в моем языке.

— Я по горло ими сыта, зайчик. Отымей в рот свою блондиночку.

Он сжимает в руке ремень на моей груди, другой вытирает свое лицо от моей слюны.

— Надеюсь, я ничем не заражусь...

— Если нужна конкретика, спроси у моей девушки.

— Охуительно, — по нему видно, что он в растерянности. Всего на несколько секунд.

Денис отодвигается и шумно выдыхает.

— Ты хоть кончаешь? — спрашивает он, наблюдая за потоком машин впереди.

Я вспоминаю, как он до последнего держал меня в руках, пока мое тело, наконец, успокаивалось, перестав дрожать после оргазма. Это было иначе.

Я не хочу ему отвечать. В сексе с ним было столько всего постороннего — боль, экстаз, эйфория, боль, страх, боль. Сейчас все проще. Для меня это важно.

Остальную часть пути мы едем в тишине.